

ПЕГГИ ОРИНСТЕЙН
американская журналистка

ЗОЛУШКА СЪЕЛА МОЮ ДОЧЬ

Как объяснить дочери,
что быть собой лучше, чем
пытаться стать принцессой

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2023

УДК 37
ББК 74.9
О-65

Peggy Orenstein
CINDERELLA ATE MY DAUGHTER

Copyright © 2011 by Peggy Orenstein

Оринстейн, Пегги.

О-65 Золушка съела мою дочь : как объяснить дочери, что быть собой лучше, чем пытаться стать принцессой / Пегги Оринстейн ; [перевод с английского Н. Ивкиной]. — Москва : Эксмо, 2023. — 304 с. — (Психологический бестселлер).

ISBN 978-5-04-159406-0

Современные девочки живут среди атрибутов и образов гламурных принцесс, окружают себя розовым, пользуются косметикой, одеваются как взрослые, пытаются быть в центре внимания, придают большое значение красоте. Что здесь плохого? Ничего, если девочки прибегают ко всему этому осознанно, ради самовыражения. Они сами могут выбирать, как выглядеть и во что играть. Вот только в мире, созданном взрослыми, грань между «можно» и «нужно» стирается слишком быстро.

Пегги Оринстейн, известная журналистка, провела масштабное исследование, чтобы выяснить, как индустрия игрушек, кинематограф и конкурсы красоты влияют на маленьких девочек и что могут сделать родители, чтобы помочь дочери самовыражаться.

Книга дополнена актуальными исследовательскими и статистическими данными, отражающими ситуацию в России.

УДК 37
ББК 74.9

© Наталья Ивкина, перевод
на русский язык, 2023

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-159406-0

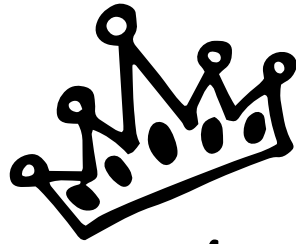
Посвящается Дейзи

Содержание

Глава 1. Почему я надеялась на мальчика	9
Глава 2. Что не так с Золушкой?	21
Глава 3. Осторожно, розовый!	51
Глава 4. Из чего же сделаны девчонки?	81
Глава 5. Сияй, малышка!	105
Глава 6. Пушки и розы (с шипами)	133
Глава 7. От прекрасной до ужасной: другая диснеевская принцесса	157
Глава 8. Дело в плаще	181
Глава 9. Между мной, тобой... и моими 622 лучшими подружками	217
Глава 10. Настоящая «женская власть»	237
Благодарности	255
Примечания	257
Библиография	291
Об авторе	299

Глава 1

Почему
я надеялась
на мальчика

Делюсь своим страшным секретом: будучи журналисткой, я практически два десятилетия посвятила тому, чтобы писать о девочках, думать о девочках, говорить о том, как девочек нужно воспитывать. Но когда я наконец забеременела, меня начала приводить в ужас мысль о появлении на свет девочки. Пока мои друзья — особенно те из них, у кого уже были сыновья, — готовились разочароваться от слов акушерки «Это мальчик!», я чувствовала себя вечным запасным водителем, который впадает в ступор, когда ему передают руль. Предполагалось, что я *экспертка* в вопросах поведения девочек. Я выпячивала этот факт везде: от *The New York Times* до *Los Angeles Times*, от шоу *Today* до FOX TV. Я кучу раз выступала на NPR. И это стало проблемой: что, если после всего этого я окажусь не готова к подобному вызову судьбы? Что, если у меня не получится вырастить идеальную дочь? С мальчиком, подумала я, будет гораздо проще соскочить с крючка.

И честно говоря, мне казалось, что рождение мальчика — это решенный вопрос. За несколько лет до появления на свет моей дочери я прочитала о каком-то британском ученом, который выявил закономерность: в двух из трех пар, в которых супруг старше супруги на пять и более лет, первенец — мальчик. Бинго! Мой муж Стивен старше меня почти на десять лет. Так что, очевидно, все было на мази.

А потом на УЗИ я увидела неопровержимые доказательства (по крайней мере, мне сказали о наличии неопровержимых доказательств; для меня все это было совершенно неотлично от, допустим, носа) и вдруг поняла, что все это время страстно, отчаянно хотела девочку. Просто боялась в этом признаться. И все еще беспокоилась насчет того, как буду воспитывать ее, какой ролевой моделью стану, возьму ли на вооружение собственные советы касательно всех трудностей, окружа-

ющих красоту, тело, образование и достижения девочек. С радостью буду наряжать дочь в платья с оборками или запрещу играть с Барби? Буду настаивать на футболе или на балетной пачке? Закупаясь в отделе для новорожденных, я бурчала из-за неотвратимой цветовой маркировки, уготовленной для младенцев. Кому какое дело до цвета простыней в кроватке, будь они розовыми или в однотонную клетку? Кажется, за те месяцы я примерно миллион предложений начала с фразы: «Моя дочь никогда не будет...»

А потом я стала мамой.

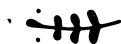
Разумеется, Дейзи была прекраснейшей малышкой из когда-либо рождавшихся (не верите мне — спросите моего мужа). Я твердо намеревалась растить ее без всяких условностей: мне хотелось, чтобы она знала, что никакое поведение и никакие игрушки не *предназначены* для ее пола и не *обязательны*. Мне хотелось, чтобы она могла самостоятельно выбрать нужные элементы своей идентичности — это по идее прерогатива и привилегия ее поколения. И в течение какого-то времени казалось, что я добилась своего. Собираясь для своего первого дня в садике, в два года, дочь выбрала свой любимый наряд — «костюм инженера» (комбинезон в тонкую полоску) — и с гордостью несла свой ланчбокс с паровозиком Томасом.

Всем, кто был готов слушать, я жаловалась на недальновидность компании Learning Curve, изобразившей Томаса в компании друзей мужского пола, а Леди — блестящий, лилового цвета паровоз-девочка — была меньше прочих. (Другими дамами на Содоре оказались пассажирские вагоны — *пассажирские вагоны!* — с именами Энни, Кларабел, Генриетта и, конечно же, Дейзи. Какая наглость!) Но на самом деле, под моим раздражением пряталось хвастовство. Моя дочь не поддавалась типичным стереотипам.

И тем больнее было падать. Понадобился лишь один мальчик, пронесшийся мимо на детской площадке и крикнувший: «Девочки не любят поезда», — и Томас был засунут на самое дно ящика с игрушками.

Через месяц Дейзи закатила истерику, когда я попыталась надеть на нее штаны. Словно посредством осмоса, она выучила имена и цвета платьев всех принцесс студии Disney — а я даже не знала, что такое «Принцесса Disney». Она с тоской смотрела на задрапированные тюлем витрины местных магазинов игрушек и на свой третий день рождения выпросила «настоящее платье принцессы» с подходящими пластмассовыми туфлями на высоких каблуках. Тем временем одна из ее подружек — та, у которой было две мамы, — каждый день появлялась в садике в платье Золушки. И в свадебной фате.

Что вообще произошло? Мои знакомые матери, женщины, которые когда-то клялись, что никогда не будут зависеть от мужчины, снисходительно улыбались, когда их дочери напевали *So This Is Love* или настаивали, чтобы их называли Белоснежками. Кассир в супермаркете неизменно приветствовал Дейзи словами «Привет, принцесса». Официантка в местном кафе — модница с проколотым языком и татуировкой черепа на шее — называла заказанные Дейзи «олады-смайлики» ее «блюдом принцессы». Как-то раз милая женщина в аптеке предложила нам бесплатный воздушный шарик, а затем сказала: «Спорим, я знаю твой любимый цвет!» — и выдала розовый вместо того, чтобы позволить Дейзи выбрать самой. Затем, вскоре после трехлетия, наш дорогуший детский стоматолог — из

тех, чьи помещения забиты комиксами, мультиками и игрушками, — указала на кресло и спросила:

— Не желаете ли присесть на этот трон принцессы, пока я буду заниматься вашими сверкающими зубками?

— Господи Иисусе, — огрызнулась я. — Сверло у вас тоже особенное, для принцесс?

Она так на меня посмотрела, словно я была злой мачехой.

Но правда, в какой момент все девочки превратились в принцесс? Когда я была ребенком, все было иначе — а я родилась в те годы, когда феминизм был чем-то проходящим для наших матерей. Мы не одевались в розовое с голубыми до пят. Мы не носили миниатюрных шпилек. И это Беркли, штат Калифорния: если принцессы заполонили наше ретро-хиппи-поселение, представьте только, что творится там, где женщины брили ноги? Пока моя дочь ежедневно бегала в костюмерную садика, я холодела от одной мысли о том, чему ее научит исполнение роли Русалочки — персонажа, буквально отдающего свой *голос* ради мужчины.

С другой стороны, думала я, возможно, всеобщее «опринцессивание» — это символ прогресса, знак, что девочки могут выражать свое пристрастие к розовому, не боясь скомпрометировать свою силу и амбиции; что наконец-то они могут «иметь все»: быть феминистками *и* женственными, красивыми *и* властными, снискивать независимость *и* одобрение мужчин. Может, мне просто стоит расслабиться и не искать никаких подтекстов. Перефразируя Фрейда, может, иногда принцесса — это просто принцесса.

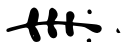
В конце концов я опубликовала свои размышления в виде статьи под названием «Что не так с Золушкой?». Она вышла в канун Рождества в *The New York Times Magazine*. И я совершенно не была готова к последовавшей реакции. Статья сразу же попала в топ «самых пересылаемых», где продержалась несколько дней — вместе со статьей о конфликте на Ближнем Востоке. Сотни читателей писали мне,

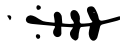

чтобы выразить облегчение, благодарность и, почти так же часто, откровенное презрение. «Я ждала такой истории, как ваша». «Мне жаль дочь Пегги Оренштейн». «Как мать трехлетних мальчиков-близнецов я не понимаю, что страна принцесс делает с моими сыновьями». «Я бы не хотела иметь такую мать, как Оренштейн». «Честно говоря, не знаю, как я выжила, если в детстве меня окружали исключительно эти раскрученные образы женщин». «Гены *настолько* сильны».

Очевидно, я затронула нечто более масштабное, чем покупку дешевых тиаг. Принцессы — это, в конце концов, всего лишь этап. Уезжая в колледж, девочки не расхаживают в ночнушках Спящих Красавиц (по крайней мере, большинство). Но именно они ознаменовали первый экскурс моей дочери в мир господствующей в обществе культуры, первый раз, когда влияние шло извне.

И что сказала ей культура о том, как быть девочкой, в первую очередь? Не то, что она компетентная, сильная, креативная или умная, а то, что каждая маленькая девочка хочет — или должна хотеть — быть на свете всех милее.

Это сбивает с толку: образы того, как именно девочки могут быть успешны, вроде как повсюду — они играют в командные игры спорта, преуспевают в школе, превосходят мальчиков по количеству в колледже. И при этом стремление сделать внешность эпицентром их идентичности словно ни на йоту не ослабевает. Напротив, чуть ли не усиливается, затрагивая все более молодых (и, насколько можно судить по неестественно гладким бровям женщин среднего возраста, охват довольно значителен). Я прочитала целые стопки книг, посвященных подростковому возрасту девочек, но

куда бежать, чтобы понять новую культуру *маленьких* девочек, от тоддлеров¹ до подростков, чтобы распознать потенциальное влияние — если оно вообще есть — впитываемых ими образов и идей о том, кем они должны быть, что им следует покупать, что делает их *девочками*? Игра в Золушку защитила их от ранней сексуализации или же подготовила их к ней? Было ли хождение по городу в костюме Жасмин безобидным развлечением или же оно привило им нездоровую фиксацию на внешности? Существовала ли некая прямая от Прекрасного Принца до Эдварда Каллена из «Сумерек» и прямым к искаженным ожиданиям от близости?

Родителю кажется весьма заманчивой идея благосклонного отношения ко всему розовому и миленькому. В мире и так много где требуется бдительность, а пределы нашей толерантности, равно как и энергии, немного снижаются с каждым ребенком. Так что если спа-вечеринка в честь дня рождения сделает вашу шестилетку счастливой (и заставит ее оставить вас в покое), ну правда, что в этом такого? В конце концов, девочки будут девочками, верно? Верно — и именно поэтому мы должны уделять больше, а не меньше, внимания тому, что происходит в их мире. Согласно Американской психологической ассоциации, акцент культуры «девочковости» на красоте и игривой сексуальности может повысить уязвимость девочек по отношению к тем подводным камням, которые больше всего беспокоят родителей: депрессия, расстройство пищевого поведения, искаженный образ тела, рискованное сексуальное поведение. В одном из исследований, проведенном среди девочек восьмиклассниц, самообъективация — оценивание своего тела согласно тому, как, по нашему мнению, оно выглядит в глазах других людей, — объясняла половину различий в сообщениях девочек о депрессии и более двух третей

¹ От англ. *to toddle* — «ковылять», «неуверенно ходить»; дети в возрасте от одного до трех лет. (Прим. перев.)